

Сорель Альбер

**Европа и французская революция
(L'Europe et la révolution française)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А56

А56 **Альбер С.**
Европа и французская революция (L'Europe et la révolution française) / Сорель Альбер – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 470 с.

ISBN 978-5-519-74974-9

ISBN 978-5-519-74974-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПАДЕНІЕ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Новые принципы.

ГЛАВА I.

Національное собраніе и Европа 1789—1790 г.

I.

«Собраніе», писалъ Мирабо ¹⁾, «какъ и народъ, представителемъ котораго оно являлось, приобрѣло привычку дѣйствовать порывами, всегда страстно и всегда стремительно». Собраніе само было, такъ сказать, народомъ, и притомъ народомъ, совершавшимъ революцію. Выбранное, нѣкоторымъ образомъ, всеобщимъ голосованіемъ, оно дало все, что заключалось въ предѣлахъ націи, и представило собою вѣрный и точный образъ цѣлой страны ²⁾. Во Франціи обладали весьма яснымъ пониманіемъ гражданскихъ реформъ, которыхъ требовали, и весьма твердою волею провести ихъ въ жизнь; напротивъ, въ дѣлѣ преобразованій собственно политическихъ проявлялись одни смутныя порыванія и неопредѣленные, полныя непослѣдовательности, стремленія.

Гражданская свобода вошла въ нравы, и режимъ, продолжавшій изгонять ее изъ законодательства, сдѣлался окончательно ненавистнымъ. Въ ней видѣли основы права и соціальную необходимость. Каждый могъ опредѣлить ее, стоило только спросить себя, чего требуетъ собственное человеческое достоинство, собственные интересы, и вспомнить, что прихо-

¹⁾ *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de la Marck*, publiée par M. DE BASOULY. Paris. 1851, 47 note pour la cour, t. II, p. 414.

²⁾ См. т. I, кн. II, гл. 1.

дилось терпѣть и на что сѣтовать ³⁾). Чтобы положить основаніе гражданской свободѣ, достаточно было минуты энтузіазма и нѣсколькихъ декретовъ. Феодалныя права были уничтожены въ одну ночь, и стало очевиднымъ, что, начиная съ этой ночи, Франція поднимется противъ всякаго, кто захотѣлъ-бы ихъ возстановить.

Политическая свобода была нововведеніемъ. Всѣ прецеденты говорили противъ нея. Для того, чтобы понятіе о ней проникло въ народъ, надо было разрушить всѣ усвоенныя путемъ опыта идеи; чтобы установить ее, надо было подвести новый фундаментъ подъ государство; чтобы ввести ее въ употребленіе, необходимо было измѣнить не только привычки, но и самыя инстинкты народа. Каждый составилъ себѣ отвлеченный идеалъ свободы, никто не зналъ ея на опытѣ. Всеобщее соглашеніе касалось лишь провозглашенія верховенства народа и разрушенія всего, что являлось тому преградой. Не трудно уничтожить старыя учрежденія: они рушились уже сами, и требовалось только убрать обломки. Мѣсто очистили, но оно осталось пустымъ. Такъ какъ для упраздненія феодальнаго режима достаточно было провозгласить его конецъ, то предположили, что и для основанія политической свободы достаточно уничтожить правительство стараго режима; но дѣло въ томъ, что французы не знали никакой иной формы правленія, и форма монархическая была единственною, извѣстною имъ на практикѣ; съ исчезновеніемъ ея, ничто не явилось къ ней на смѣну, и вмѣсто ожидаемой свободы возникла анархія.

Анархія происходила отъ тѣхъ же причинъ, которыя привели къ неизбежности революціи ⁴⁾). Успѣхъ мятежа, испугъ, уныніе и отступленіе робкихъ, составляющихъ большинство; дерзость буйныхъ, господство агитаторскихъ группъ, тиранія насильниковъ, составляющихъ меньшинство; внезапное вторженіе въ страну той арміи нищихъ и толпы негодаевъ, которые немедленно собираются, какъ только пружина власти слабѣетъ и распущенность обнаруживается въ полиціи, — все это только симптомы кризиса. Настоящая причина — это дезорганизація государства, неспособность короля, его министровъ, всего правительства, всѣхъ привилегированныхъ — желать чего-либо со всей энергіей, дѣйствовать съ единомысліемъ, защититься наконецъ противъ этого потока, которому дали выйти изъ береговъ, потому что не сѣумѣли ни отвести его въ сторону, ни сдержать. Собственно говоря, не революція ниспровергла правительство, но революція побѣждаетъ потому, что правительство было ниспровергнуто. При первомъ нападеніи бунтовщиковъ, должностныя лица госу-

³⁾ TOSQUEVILLE, *Mélanges*. Paris, 1865, p. 140.

⁴⁾ См. т. 1.

дарства, растерянные, сбитые съ толку, безъ руководителя, безъ опоры, ограничиваются ролью жертвъ или пассивныхъ свидѣтелей крайностей черни. Созывъ Штатовъ есть не что иное, какъ торжественное сознаніе власти въ своемъ безсиліи.

Министерству не подъ силу его задачи, и оно падаетъ подъ ихъ бременемъ. «Мы такъ задавлены собраніями и комитетами,—пишетъ Монморенъ отъ 25 января,—что у меня нѣтъ ни одной свободной минуты»⁵⁾. Всѣ завалены дѣлами. Ни вожди не умѣютъ повелѣвать, ни подчиненные повиноваться. Администрація упразднена; армія исчезла. Отъ страшнаго орудія королевской власти, выкованнаго Ришелье и усовершенствованнаго Людовикомъ XIV, остается только инертная и вялая масса, которая душитъ тѣхъ, кто пытается ее расшевелить. Штаты собираются 5 мая. Вскорѣ дворъ начинаетъ тревожиться ихъ требованіями и народными движеніями, которыя ихъ поддерживаютъ. Въ принципѣ весь авторитетъ еще вмѣщается въ особѣ короля: онъ—верховный властитель, дворянство его окружаетъ, оно стоитъ во главѣ войска, оно занимаетъ важнѣйшія должности. Тѣ, кого страшитъ революція, совѣтуютъ Людовику XVI устроить государственный переворотъ и прибѣгнуть къ классическому средству «королевскаго дня». Въ послѣдній разъ монархія является передъ народомъ во всемъ своемъ величіи, но это величіе—только тѣнь прежняго. Достаточно нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ депутатомъ, чтобы разсѣять этотъ призракъ правительства. «Насъ можетъ разогнать только сила», отвѣчалъ Мирабо церемоніймейстеру, который предлагалъ Собранію разойтись⁶⁾. Сила не явилась, и вся Франція узнала, что королевская власть уже не располагала ею.

Не располагало ею и Собраніе. Вслѣдствіе неопытности, самонадѣянности, идеализма, оно оказалось столь же непредусмотрительнымъ и неспособнымъ управлять, какъ и сама монархія, вслѣдствіе рутинны и дряхлости. Недовѣріе къ престолу заставило депутатовъ захватить всю власть въ свои руки, самое отношеніе ихъ къ принципамъ власти не позволило имъ воспользоваться ею. Новое правительство было очень скоро доведено до такой же крайности, какъ и старое. Надъ министерствами властвовало Собраніе, надъ Собраніемъ—клубы, надъ клубами—демагоги, а надъ демагогами—вооруженная фанатическая и голодная чернь, которую они думали увлечь за собой и которая въ дѣйствительности гнала ихъ впереди себя. Это страшное давленіе началось 14 іюля: при первомъ напорѣ оно взло-

⁵⁾ Изъ письма къ ла-Люцерну, посланнику въ Лондонѣ.—Эта цитата какъ и всѣ другія, происхожденія которыхъ я не указываю, взята изъ архивовъ министерства Иностранныхъ дѣлъ.

⁶⁾ Засѣданіе 28 іюня 1789 г.

мало двери Бастилии и раскрыло передъ народомъ всю хилость монархіи. Октябрьскіе дни были лишь прямымъ послѣдствіемъ 14-го іюля.

Отнынѣ король сдѣлался плѣнникомъ въ своей столицѣ и узникомъ въ своемъ дворцѣ. Остались служители, но двора уже не стало. 18 іюля его младшій братъ, графъ Д'Артуа, его двоюродные братья, принцъ Конде, герцогъ Бурбонскій, герцогъ Ангіенскій, поспѣшили оставить Францію. Вслѣдствіе крестьянскихъ возстаній (жакерій) въ деревняхъ, мелкое дворянство бѣжитъ въ города. Придворная знать удаляется за-границу. Послѣ 6-го октября, вожди правой стороны: Мунье, Лялли, Бергассъ и сто двадцать депутатовъ, вотировавшихъ вмѣстѣ съ ними, выходятъ изъ Собранія и отказываются отъ борьбы. Новый потокъ эмигрантовъ несется къ границѣ, и отнынѣ начинается просачиванье, которому уже не суждено остановиться. Тѣ, которые бросаютъ родину въ первые часы,—не жертвы, а недовольные. Они уѣзжаютъ не столько для того, чтобы бѣжать отъ опасности, сколько для того, чтобы приготовить возмездіе. Появляясь при маленькихъ дворахъ, гдѣ ихъ принимаютъ—въ Савойѣ, на Рейнѣ,—они не представляются бѣглецами, которые просятъ пріюта, но политической партіей, которая ищетъ союзниковъ. Они во всеуслышаніе заявляютъ, что нѣтъ другого средства противъ кризиса, переживаемаго французской монархіей, какъ полнѣйшая контръ-революція, наказаніе бунтовщиковъ, отмена мятежныхъ законовъ, реставрація короля во всей полнотѣ его власти, дворянства — во всей полнотѣ его привилегій и, наконецъ, безусловное возстановленіе стараго режима въ государствѣ и синьоральнаго режима въ обществѣ. Они бросили игру только для того, чтобъ вѣрнѣе выиграть ее: покинули Францію только для того чтобы вступитъ въ нее хозяевами; предоставили свободу дѣйствій революціи только для того, чтобъ зайти ей въ тылъ и уничтожить ее.

Они громко объявляютъ о своихъ планахъ, открыто составляютъ заговоры, хвастливо и легкомысленно замышляютъ вторженіе и завоеваніе своей родины. Ими же самими распространяемые слухи объ ихъ вооруженіяхъ, объ ихъ заговорахъ и союзахъ, ихъ высокомеріе, повелительный тонъ, ихъ угрозы распространили мысль, что ихъ возвращеніе будетъ сопровождаться полной гибелью новаго порядка и новыхъ людей. Народъ принимаетъ буквально ихъ грозныя рѣчи, трепещетъ за завоеванныя имъ права и съ яростью обращается противъ тѣхъ, кого обвиняютъ въ желаніи ихъ отнять. Его гнѣвъ падаетъ на дворъ и на знать, оставшуюся во Франціи. Онъ ихъ обвиняетъ въ соучастіи съ эмигрантами. Заграничныя фанфаронады этихъ болтуновъ вызываютъ противъ королевской фамилии и противъ дворянъ, сохранившихъ ей вѣрность, все усиливающуюся ненависть, подозрѣнія, которыя ежедневно обостряются, и, подѣ

предлогомъ предосторожностей или репрессалій, неистовства и насилія. Эта первая эмиграція, вполне политическая и феодальная, самый нелѣпый и роковой анахронизмъ во Франціи 1789 г., повела къ послѣдствіямъ безконечно болѣе важнымъ, чѣмъ можно было бы ожидать, принимая въ соображеніе неспособность ея вождей и тщеславіе, руководившее ихъ намѣреніями. Никакое событіе не было столь бѣдственнымъ для монархіи и не имѣло болѣе гибельнаго вліянія на развитие революціи.

Король безъ воли, бездарные и безхарактерные министры, правительство въ бѣдственномъ положеніи, раздоры въ судебной средѣ; запуганные администраторы, нерѣшительные офицеры, отбившіеся отъ дисциплины солдаты, дворянство, ревниво оберегающее свои привилегіи и неспособное ихъ удержать за собою; честолюбивая буржуазія, нападающая на власть лишь для того, чтобъ присвоить ее себѣ; безпорядки въ городахъ, тревога въ деревняхъ, бѣдность повсюду, возмущенія, бунты, разбои,—вотъ картина Франціи уже за нѣсколько лѣтъ до собранія Штатовъ. Послѣднее только ускорило кризисъ. Тѣмъ не менѣе этотъ кризисъ, даже въ его страшныхъ размѣрахъ, представлялъ лишь обычные условія и обыкновенныя послѣдствія революцій. Новизна состояла не въ этомъ.

Особый оттънокъ, отмѣчающій французскую революцію, съ самаго ея начала, происходитъ отъ безконечнаго контраста, обнаруженнаго ею между слабостью правительства, ею избраннаго, и мощью идей, которыя она вноситъ въ міръ. Это Собраніе, которое не умѣло управлять ни Франціей, ни собой, и существованіе котораго зависѣло отъ дерзости нѣсколькихъ бунтовщиковъ, работало для будущаго среди неизвѣстностей настоящаго и кидало въ зыбучіе пески неразрушимые устои. Анархія, не имъ созданная, но имъ увеличенная неосновательными мѣрами, слишкомъ скоро скрыла отъ глазъ современниковъ плодотворность реформъ, которыя могли принести всѣ свои плоды лишь въ времена, менѣе смутныя. Собраніе только отдавало себѣ простую справедливость, когда въ 1790 оно отвѣчало своимъ клеветникамъ яснымъ изложеніемъ дѣла, совершеннаго имъ менѣе, чѣмъ въ восемь мѣсяцевъ ⁷⁾).

«Притворялись незнающими, что сдѣлало Національное собраніе; мы вамъ это напомнимъ. Права человѣка не признавались, они были восстановлены. Народъ утратилъ право опредѣлять законы и налоги, это право было ему возвращено. Безчисленные привилегіи составляли все наше общественное право, онѣ уничтожены. Угнетающій феодализмъ царилъ повсюду во Франціи—онъ исчезъ безвозвратно. Вы желали уничтоженія подкупности должностей, это исполнено. Финансы требовали гро-

⁷⁾ Прокламація отъ 11 февраля 1790 г. подъ редакціей Таллейрана.

манных реформъ, мы работали надъ ними безъ отдыха... Вы чувствовали необходимость въ реформѣ, хотя бы временной, главнѣйшихъ недостатковъ уголовного кодекса, она была обнародована... Кодексъ гражданскихъ законовъ уничтожить всѣ эти неясные, сложные, противорѣчивые законы... Собраніе завершило трудное дѣло дѣленія королевства, которое одно могло стереть послѣдніе слѣды старыхъ предразсудковъ, замѣнить узкій себялюбивый патріотизмъ истинною любовью къ отчизнѣ... Мы закончимъ наши работы составленіемъ уложенія народнаго обученія и воспитанія, которое поставитъ конституцію подъ охрану грядущихъ поколѣній. Вотъ наши труды, французы, или, скорѣе, ваши труды... Какое почетное наслѣдство оставите вы вашему потомству! Возвыситесь до званія гражданина... имѣть доступъ ко всѣмъ должностямъ... такъ какъ все дѣлается черезъ васъ и для васъ; быть равнымъ передъ закономъ, свободнымъ дѣйствовать, говорить, писать, отдавая отчетъ не людямъ, а всегда общественной волѣ: какое положеніе можетъ быть прекраснѣе! Найдется ли хоть одинъ гражданинъ, достойный этого имени, который дерзнулъ бы подобрать окружающіе насъ обломки, чтобы видѣть въ нихъ цѣлое зданіе?»

Въ исторіи не найдется другого примѣра такихъ глубокихъ реформъ, основанныхъ на болѣе великодушныхъ мотивахъ, исполненныхъ съ такимъ величіемъ. Для огромнаго большинства въ этомъ заключалась вся революція. Подъ этой формой она стала по преимуществу національнымъ дѣломъ французовъ. Она освобождала людей и имущества; она происходила ради французской земли и ея обитателей, она крѣпче привязывала гражданъ къ почвѣ своей страны; она сдѣлала общественнымъ и популярнымъ то великое понятіе о родинѣ, которое вѣками складывалось въ сердцахъ. Въ этомъ отношеніи революція освятила дѣло монархіи. Рассказываютъ, что при своемъ возвращеніи изъ Италіи, въ 1797 г., Бонапарте сказалъ Сійесу: «Я создалъ великую націю». На что Сійесъ ему отвѣчалъ: «Да, но еще ранѣе мы создали самую націю». Тотъ и другой хвастались, приписывая себѣ заслугу исторіи, которая была истинною подготовительницею совершеннаго. Патріотическій характеръ знаменитыхъ декретовъ 1789 г. составлялъ ихъ внутреннюю силу и крѣпость.

Они были вполнѣ національными, французскими; тѣмъ не менѣе источники, изъ которыхъ они происходили, исчезли слишкомъ много лѣтъ тому назадъ. Если и можно было прослѣдить до нѣкоторой степени происхожденіе идей, которыя теперь находили себѣ наконецъ примѣненіе, то скрытая связь ихъ въ послѣдовательности временъ ускользала отъ вниманія современниковъ^{*)}. Въ сборникахъ королевскихъ приказовъ они не

^{*)} VIOLLET. *Précis de l'histoire du droit français*. Paris. 1884—1886. Осо-

нашли ни одного принципа, съ которымъ можно было бы связать вводимые законы. Документами, подтверждающими права королей, были завалены архивы; народъ же утратилъ свои. Однако, для такой великой реформы государства и общества, необходимо было какое-нибудь правовое основаніе. За неимѣніемъ правъ историческихъ, оперлись на права метафизическія и, не имѣя возможности провозгласить права французовъ, Собраніе провозгласило права отвлеченнаго человѣка и гражданина міра. Впрочемъ, таково было въ этомъ вѣкѣ направленіе человѣческаго духа и, въ частности, — духа французскаго, являшагося однимъ изъ главныхъ мотивовъ интеллектуальнаго преобладанія Франціи надъ Европой⁹⁾.

Члены Учредительнаго собранія издавали свои законы для человѣчества, подобно тому, какъ ихъ учителя-философы писали свои вѣнчи для человѣчества. Они гордились этимъ и прославляли тѣмъ свою родину¹⁰⁾. Они вѣрили во всемогущество идей, въ очевидность справедливости и въ добрыя свойства человѣческой природы. Они хотѣли блага сознательно и со всю искренностью души; они съ энтузіазмомъ трудились надъ этимъ; это и придавало тотъ несравненный блескъ, которымъ сіяли первыя времена революціи, несмотря на ошибки въ веденіи дѣлъ и въ управленіи страной¹¹⁾. Кажется, что Франція возвѣщаетъ вселенной земное евангеліе, что она готовится основать религію права и счастья среди людей. «Революція, которая совершается у насъ, чревата судьбами міра», говоритъ самый краснорѣчивый и самый чистый изъ свидѣтелей этого энтузіазма¹²⁾. «Взоры окружающихъ насъ народовъ устремлены на насъ: они ждутъ исхода нашей внутренней борьбы съ корыстнымъ нетерпѣніемъ, съ беспокойнымъ любопытствомъ; можно сказать, что въ настоящій моментъ человѣческій родъ производитъ великіе опыты надъ нашими головами. Если намъ удастся, судьба Европы измѣнится: человѣку возвращены будутъ его права; народу вернется его главенство; короли, пораженные успѣхомъ нашихъ трудовъ и увлеченные примѣромъ короля французовъ, примирятся съ народами, которыми будутъ призваны управлять; а, можетъ быть, наученные нами, болѣе насъ счастливые народы достигнутъ справедливой и свободной конституціи, не переживая тѣхъ тревоженій и бѣдствій, ко-

бенно главы, относящіяся до уничтоженія привилегій, стр. 224—228, и феодальныхъ правъ, стр. 279, 609—641.

⁹⁾ См. т. I.

¹⁰⁾ Донесеніе Мирабо о деклараціи человѣческихъ правъ, 17 августа 1789.

¹¹⁾ См. TOSQUEVILLE, *Mélanges*, p. 143. Chapitres inédits: *Comment au moment où l'on allait se réunir en Assemblée nationale, les esprits s'aggrandirent tout-à-coup et les âmes s'élevèrent.*

¹²⁾ ANDRÉ CHÉNIER. *Oeuvres en prose*. Paris. 1872. *Avis aux français*, 28 Août 1790.

торыя привели насъ къ этому первѣйшему изъ благъ. Тогда свобода распространится повсюду, и имя Франціи будетъ навсегда благословенно на землѣ».

Французы были искренни, говоря такимъ языкомъ; Европа имъ повѣрила. Если они заблуждались, желая работать для всего міра, то цивилизованное человѣчество раздѣляло ихъ иллюзіи и ихъ надежды. Европа XVIII вѣка создала себѣ идеалъ добродѣтели, свободы, справедливости; французская революція, казалось, его осуществила. Всемирный характеръ принциповъ этой революціи и отвлеченное свойство ея формулъ дѣлали ее доступной всѣмъ европейцамъ и обуславливали ея распространеніе. Каждый народъ могъ отождествлять эти принципы съ своими собственными стремленіями. Отсюда произошелъ тотъ мощный откликъ, какой встрѣтили первыя деклараціи Собранія во всей Европѣ.

II.

Европейскіе мыслители того времени поняли, что революція, происходившая во Франціи, совершалась для народовъ всего міра и что наступаетъ царство самихъ народовъ ¹⁾. Какъ во Франціи, такъ и повсюду, во взятіи Бастиліи видѣли символъ паденія стараго режима. Англійскій посланникъ заканчиваетъ сообщеніе объ этомъ своему правительству слѣдующими словами: «Такъ совершилась величайшая изъ революцій, память о которыхъ сохранилась въ исторіи, и, относительно говоря, принимая въ соображеніе важность результатовъ, она стоила мало крови. Съ этого момента мы можемъ считать Францію страной свободною, власть короля ограниченною, дворянство—низведеннымъ на одинъ уровень съ остальными сословіями» ²⁾. Историкъ Швейцаріи, Жанъ Мюллеръ, бывшій въ то время тайнымъ совѣтникомъ курфюрста майнцаго, называетъ эту побѣду народа «прекраснѣйшимъ изъ дней послѣ паденія Римской имперіи». Нѣмецъ Меркъ, считавшій себя великимъ критикомъ, плакалъ отъ радости, видя, что въ этой истинно шекспировской драмѣ полагается «первый

¹⁾ Въ массѣ мемуаровъ, оставленныхъ намъ современниками, говоритъ Токвилль, я не встрѣтилъ ни одного, въ которомъ зрѣлище этихъ первыхъ дней 1789 г. не оставило бы неизгладимаго слѣда. Вездѣ оно сообщаетъ ясность, живость, свѣжесть, волненія молодости». *Mélanges: les chapitres inédits de l'Ancien Régime*, ch. VII. «Какая-то свѣтлая радость охватила наиболѣе многочисленныя сословія общества, при видѣ этой революціи, которая низвергла старинное правительство Франціи,—пишетъ одинъ женевецъ; какое-то общее броженіе, омыаніе надеждами...»

²⁾ Донесеніе герцога Дорсетъ отъ 16 іюля 1789 г. FLAMMERMONT, *Relations inédites de la prise de la Bastille*. Paris. 1885, p. 20.

камень для счастья человечества». Въ Петербургѣ «французы, русскіе, датчане, нѣмцы, англичане, голландцы поздравляли другъ друга на улицахъ, обнимались, какъ будто съ нихъ сняли давившую ихъ тяжелую цѣпь». ³⁾).

Въ теченіе всего 1789 года въ Германіи раздаются восклицанія радости и восторга ⁴⁾. Мыслителямъ казалось, что во французской революціи они нашли осуществленіе того отвлеченнаго идеала, за которымъ они гнались по слѣдамъ Пуфендорфа и Вольфа.

Благодаря Руссо, этотъ идеалъ сдѣлался популярнымъ вездѣ, гдѣ встрѣчались любознательные умы, пламенные души, чувствительное воображеніе. Буржуа восторженно удивляются торжеству средняго сословія и робко желаютъ того же. Просвѣщенное дворянство кокетничаетъ съ революціей, какъ кокетничало съ философіей. Весь литературный міръ приветствуетъ начало свободы, царство равенства людей, конецъ злоупотребленіямъ и паденіе предразсудковъ стараго міра. Публицистъ Шлё-

³⁾ SÉGUIER. *Mémoires*, t. III.—«Мнѣ было 16 лѣтъ,—рассказываетъ одинъ датчанинъ,—когда отецъ мой пришелъ домой (въ Копенгагенѣ) виѣ себя; онъ призываетъ своихъ сыновей:—какъ вы достойны зависти! восклицаетъ онъ, какіе счастливые и блестящіе дни васъ ждутъ впереди! Теперь вы сами будете виноваты, если не создадите себѣ независимаго положенія. Всѣ преграды происхожденія и бѣдности рушатся; отнынѣ послѣдній изъ васъ получитъ возможность бороться противъ самаго сильнаго равнымъ оружіемъ и на одинаковой почвѣ!—и, не имѣя силъ продолжать отъ глубокаго волненія, онъ зарыдалъ... Потомъ, успокоившись, онъ рассказалъ намъ про вятіе Бастиліи и освобожденіе жертвъ деспотизма... Революція начиналась не только во Франціи, но и во всей Европѣ. Она пустила корни въ милліонахъ душъ: эти первыя минуты радости, за которыми послѣдовало такое ужасное паденіе, имѣли въ себѣ что-то чистое и святое, которое никогда не забудется. Бесконечная надежда охватила мою душу». STEFFENS, *Was ich erlebte*. Breslau. 1840—44, t. I, p. 362, cité par Tocqueville, *Mélanges*, p. 173.—Анна Соимонова, будущая Свѣчина, устроила въ своей комнатѣ иллюминацію въ честь 14 іюля; это было наивное выраженіе чувствъ, господствовавшихъ среди «просвѣщенныхъ русскихъ», въ средѣ которыхъ она воспитывалась. PINGAUD. *Les français en Russie*. Paris. 1885, p. 165.

⁴⁾ HAEUSSER, *Deutsche Geschichte*, 4 ed. Berlin 1869, t. I. liv. II. ch. II.—BIEDERMANN, *Deutschland im achtzehnten Jahrhundert*. Leipzig 1880. 2 partie, 8 section, p. 1189—1223.—PERTHES, *Politische Zustände*, 2 ed. Gotha 1862.—TREITSCHKE *Deutsche Geschichte*. Leipzig. 1882, t. I, p. 115.—HETTNER, *Literatur-Geschichte des achtzehnten Jahrhunderts*. Brunswick. 1879. III partie. 2 livre, 8 section: *L'Idéal de l'Humanité*.—WOHLVILL, *Weltbuergerthum und Vaterlandsliebe der Schwaben 1789—1816*. Hambourg 1875.—VENEDEY. *Die deutschen Republikaner unter der französischen Republik*. Leipzig 1870.—PHILIPPSON, *Geschichte des preussischen Staatswesens*, Leipzig 1882, t. II, p. 12.—RAMBAUD. *Les français sur le Rhin*, Paris 1873.—BOSSERT, *Goethe*. 2 vol. Paris 1882.

церъ, не особенно восторгавшійся американской революціей, восхваляетъ французскую. «Одинъ изъ величайшихъ народовъ на землѣ рѣшительно сбросилъ гнѣтъ тираніи; несомнѣнно, что это заставило самихъ ангеловъ возликовать на небѣ». ⁵⁾ Будущій корифей германской революціи, путешественникъ и натуралистъ Георгъ Форстеръ, бібліотекаръ въ Майнцѣ, приходитъ въ восторгъ, слушая рассказъ о ночи на 4 августа ⁶⁾. Гентцъ, стяжавшій впослѣдствіи извѣстность своей страстной ненавистью къ Франціи и революціи, начинаетъ свое поприще апологіей Учредительнаго собранія. ⁷⁾ Кантъ восторгается торжествомъ разума. Вильгельмъ Гумбольдтъ и Кампе ⁸⁾ отправляются во Францію, чтобы подышать воздухомъ свободы и присутствовать при похоронахъ деспотизма. Варягагенъ фонъ-Энзе рассказываетъ, что его сестра наряжалась въ трехцвѣтный шарфъ, и что его отецъ отправился въ Страсбургъ, чтобы принести гражданскую клятву и служить въ національной гвардіи ⁹⁾. Опальная и устраненная отъ дѣлъ со времени новаго царствованія, группа «друзей просвѣщенія» въ Берлинѣ оживаетъ подъ влияніемъ радостныхъ вѣстей. Свѣтскія дамы на прогулкахъ украшаютъ свой костюмъ французской кокардой.

Поэты соперничаютъ въ дифирамбахъ. «Зачѣмъ нѣтъ у меня ста голосовъ, чтобы воспѣвать французскую свободу!» восклицаетъ Клопштокъ ¹⁰⁾. Онъ задаетъ тонъ, и хоръ лириковъ ему отвѣчаетъ. ¹¹⁾ Странная вещь:

⁵⁾ *Staatsanzeigen*, t. XIII. Goettingue 1789.

⁶⁾ Его письма къ тестю Гейне, отъ 15 августа 1789, и къ Жану Мюллеру, отъ 18 іюля 1789. *Werke*. Leipzig 1843, t. VIII, p. 85 и 120.

⁷⁾ Статья эта напечатана въ 1790 въ *Bibliothèque universelle allemande* Biester'a, основанной Николаи, гдѣ уже раньше появилось нѣсколько статей, благоприятныхъ принципамъ революціи. *Berliner Monatsschrift* 1790, t. I, p. 370, цитируемый BIEDERMANN'омъ, стр. 1202.

⁸⁾ Кампе, «нѣмецкій Беркенъ», напечаталъ въ 1790 *Lettres écrites de Paris pendant la révolution*.

⁹⁾ Когда я его увидѣлъ впервые въ мундирѣ, то почувствовалъ, какъ мое сердце забилося отъ радости. Мнѣ казалось, что отнынѣ мы неразрывно связаны съ нашей новой родиной. Я съ гордостью созерцалъ въ нашемъ отцѣ защитника той свободы, которую всѣ окружающіе прославляли какъ высшее благо и говорили, что нѣтъ ничего прекраснѣе, какъ умереть ради ея защиты. *Французскій народъ, свобода, равенство*—что это были тогда такъ сладкія и гордыя слова!—*Denkwuerdigkeiten*, Leipzig 1843, t. I, p. 38.

¹⁰⁾ *Revolutionsoden: Die Etats généraux 1789; Ludwig der Sechzehnte 1789, à Cramer, le Franc*, 1790. — NIEWEYR, *Klopstocks Revolutionsoden*, въ *Archiv für die neueren Sprachen*, t. XXII. 1857.

¹¹⁾ Штольбергъ славитъ вѣяніе Бастиліи «какъ роскошную зарю свободы»; Бюргеръ хвалитъ геній галловъ: *Gebet der Weihe*, 1790. Фоссъ сочиняетъ въ 1792 на мотивъ «марсельезы» пѣснь нео-франковъ въ честь закона и короля; надо ли прибавить, что Евлогій Шнейдеръ, бывшій тогда профессоромъ въ Боннѣ,